

© 2014 г.

Алла Яковенко

кандидат социологических наук, профессор Института социологии, психологии и социальных коммуникаций Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова (Украина)

Антон Шаповал

(Классический частный университет (Запорожье, Украина))

(e-mail: shapoval_a@mail.ru)

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СТРАН В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

На пути эволюции социологической рефлексии обнаружены ее канонические и инновационные версии. Эмпиризм является популярным из-за удобства получать количественные характеристики очевидных признаков явления или процесса, но уступает другим стратегиям теоретизирования по глубине познания латентных признаков демографических процессов. Развитие управления этими процессами может стать оптимальным в случае применения вместо экономического или географического детерминизма социологической рефлексии (рационализма или субъективизма).

Ключевые слова: демографический процесс, социологическая рефлексия, стратегии теоретизирования.

Многие представители как естественных, так и социальных наук обращают внимание на специфику демографической составляющей состояния общественной жизни. Рост населения мира уже создал и продолжает создавать определенный демографический фон для понимания всех других социальных проблем человечества. Это обстоятельство привлекло внимание исследователей еще в 70–80-х гг. XX в. и имеет два противоположных аспекта, каждый из которых приводит к постановке важных теоретических или практических задач, специфических для определенной страны.

Во-первых, вызывает большую озабоченность явление демографического кризиса или депопуляции населения, что уже привело к нарушениям в воспроизводстве населения и сокращению количества жителей в экономически развитых странах мира. Во-вторых, еще большую тревогу вызывает быстрый рост населения в развивающихся странах (так называемый демографический взрыв). Стали серьезными проблемами также неконтролируемая урбанизация в развивающихся странах, кризис крупных городов мира, стихийная внутренняя и внешняя миграции и т. д.

Все это сопровождается последствиями социального характера. Комментарии социологов противоречивы как по концептуальным причинам,

так и вследствие их ангажированности, в том числе под влиянием властных структур.

Начинают сосуществовать несколько школ или направлений, возникает потребность выявить, как между собой сосуществуют различные теории, моделирующие их предмет, наступает эпоха выработки метатеоретических конструкций. Конечно, это касается и обществоведения. Причем чем интенсивнее идет развитие наук путем дифференциации представлений о предмете науки, тем острее встает потребность в систематизации соответствующего знания. Эффективно осуществить научную рефлексию указанного типа возможно, опираясь на понятие «научная проблема», ибо оно отражает разведение старого (неадекватного) и нового (потенциально адекватного относительно современного видения предмета) теоретического знания. Сформулировать научную проблему можно тогда, когда заданы обоснованные вопросы, касающиеся выбора между двумя конкурирующими, альтернативными объяснениями. Применительно к демографическому состоянию страны в этом контексте, обозначим в качестве научной проблемы противоречие между толкованиями этого состояния представителями экономической науки и социальной.

Очевидно, что необходима методика, которая позволила бы выбирать наиболее устойчивые и безопасные сценарии общественного развития. В современной литературе о ней уже идет дискуссия. В Украине представители истеблишмента в большинстве своем с преимущественно техническим базовым образованием (а в последнее время, согласно модному сдвигу в этом сообществе, еще якобы экономическим или юридическим) ориентированы на то, чтобы руководствоваться двумя противоречивыми принципами, составляющими основу их политической деятельности. Это, во-первых, технократический принцип произвола, который творит иллюзию сноровки руководителей. Во-вторых, почти «сакральный» принцип ссылаться на ограниченность ресурсов (в данном случае – это бюджет), согласно которому со ссылкой на «объективные обстоятельства» (например, внезапно началась зима или наступило время платить долги и т. д. со всеми заранее известными последствиями) следует ограничивать уровень и качество жизни определенных социальных групп, выдавая это как решение якобы социально справедливое или экономически уместное, независимо от морального аспекта. Призывы к внедрению пенсионной реформы с увеличением пенсионного возраста являются тому ярким очередным примером.

Главным же является обращение к социологии социальной сферы, к определению места и роли качества жизни для эффективности деятельности управленческих субъектов, понимая, что ее толкование, как правило, является спорным – лишь в пользу самого субъекта управления либо в интересах того объекта, которым управляют.

Во многих странах мира также идет поиск эффективных, цивилизованных и демократических средств регулирования развития народонаселения, что является одной из основных задач социальной политики XXI в. Конечно, статистические учреждения всех уровней дают традиционные для них количественные характеристики изменений демографических характеристик населения соответствующей территории. Но лидерские позиции должны занимать не статистики или демографы, а социологи с характерным для них теоретическим аппаратом и методическим инструментарием. Такой опыт, конечно, существует в мире, но в Украине он еще не получил мирового уровня, а потому должен быть социологами усовершенствован.

Сегодня ведутся научные дискуссии, нацеленные на глубокий анализ демографического кризиса как глобальной проблемы человечества, но вопрос о целостном, всестороннем анализе динамики демографических процессов не нашел системного отображения в социологической науке. Со стороны социологов как теоретический аппарат, так и эмпирические данные в этом отношении еще не нашли нужного уровня системности и глубины.

Поэтому требуется раскрыть эвристический потенциал альтернативных способов социологической рефлексии относительно демографических процессов, миграции населения, семейного бытия и т. д. в отличие от канона эмпиризма, воплощенного в ряде работ известных специалистов в XX в. и уже признанного как тормоз развития социологии¹.

Объектом внимания в данном тексте является социологическая рефлексия относительно демографического состояния и динамики демографических процессов современного украинского общества, а предметом выступают объективные и субъективные факторы модернизации социологической рефлексии относительно демографического кризиса в современной Украине и путей его преодоления.

Толкования демографического состояния страны через экономические концепции давно известны и уже длительное время теряют свой эвристический, диагностический, аналитический и др. потенциалы, а потому мотивируют исследователей к принятию уже не канонических, а инновационных стратегий теоретизирования. Для научных дискуссий и поисков основанием были, как правило, такие познавательные средства, как феномен и ноумен, потому что в дискуссиях соревновались в основном как номиналисты и реалисты, так и материалисты и идеалисты. Следуя статье английских ученых², которую регулярно цитируют социологи мира уже бо-

¹ Качанов Ю.Л. Российская социологическая теория девяностых годов: нулевое приближение // Социология социологии: Антитезисы. – М.: «Алетейя», 2001. – С. 120–142.

² См.: Джонсон Т., Дандекер К., Эшуорт К. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // Теория и история экономических и социальных институтов. М., 1993. Том I. Вып. 1.

лее четверти века¹, это, соответственно, следующие стратегии: эмпиризм и субстанционализм, субъективизм и рационализм. Указанные стратегии нашли воплощение в социологии в том, что существует традиция соображений поиска объекта научного познания от феномена к ноумену и наоборот, которая впервые реализована в философии Платона, а в канонической форме получила воплощение в философии И. Канта. В социологии она развита Т. Парсонсом, а среди последних известных нам текстов ее схематическое оформление приведено в книге М. Ильина «Слова и значение»² и представлено в 2010 г. в журнале «Психология и общество»³.

Вести наблюдение согласно канонам эмпиризма⁴ означает видеть демографическое состояние таким, каким оно непосредственно отражено в ощущениях наблюдателя. Такое понимание эмпиризма получило название сенсуализм, согласно которому источником познания является ощущение, а предметом – реальность, существующая вне и независимо от человеческих чувств. Таким образом, полученное знание, как правило, приобретает форму обобщений вероятности по поводу взаимосвязи между наблюдаемыми явлениями. В марксизме это положение получило существенное диалектическое уточнение. Во-первых, по возможности проверить эти обобщения на практике, тогда последние приобретают статус объективно истинных знаний; есть здесь процесс познания и общественно-историческая практика остаются неразрывными. Во-вторых, познание всегда происходит через переход от эмпирии к теории, которая, со своей стороны, способна влиять на развитие эмпирических методов и совершенствовать эмпирические обобщения.

Пока результаты исследований демографов имеют характер только статистического обобщения наблюдений. Последствиями применения такого подхода к познанию демографического положения стран становится научная, но фрагментарная картина явления общественной жизни. Бытие понимается как поток отдельных событий, лишено глубинного осмысления. Поэтому, эмпиризм в деле осмысления демографического положения стран не способен на большее, чем на суммирование последствий созерцания в виде статистических показателей по рождаемости, смертности, брачности, миграции и т. п.

¹ Ядов В.А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2003. С. 46.

² Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. С. 395.

³ Яковенко Ю. Методологічна невизначеність в епоху постмодерну // Психологія і суспільство. 2010. № 1. С. 103.

⁴ См. Джонсон Т., Дандекер К., Эшуорт К. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // Теория и история экономических и социальных институтов. М., 1993. Том I. Вып. 1. С. 98.

В целом эмпирические обобщения могут выходить за пределы созерцания лишь как гипотетические утверждения, а отсюда соответствующие «законы» – результат исключительно эмпирических обобщений. Еще один отличительный признак эмпиризма – стремление к тому, чтобы все понятия, которые используют в описаниях и объяснениях, определять только в терминах созерцания. Такой подход лишен мировоззренческого содержания, трактуется как идеологический, который нередко предлагают исключать из социологии.

Эмпиризм, пренебрегая рациональными структурами сознания, – это достаточно односторонняя методологическая установка, и она не в состоянии обеспечить исследователя полноценным научным знанием, что соответствует запросам XXI в. Указанная установка – это явная субъективистская методологическая позиция таких ученых, несмотря на внешнюю объективность их положений. Этот субъективизм достаточно специфический, поскольку не признается самими эмпириками, которые убеждены, что, только опираясь на эмпирическую действительность (факты), количественные методы, можно достичь объективного знания.

Очерченную методологическую позицию в социологии называют еще позитивистской, а с момента ее возникновения философский эмпиризм трансформировался в канонический для XX в. позитивизм. Дело в том, что в структуре социологического знания существует эмпирический уровень. Это обусловило тот факт, что эмпирическая ориентация значительной части социологов сохраняется и по сей день. Поэтому неудивительно, что между эмпириками и теми, кто видит в этой эмпирической методологической ориентации ограничения для развития социологического знания, продолжается острая дискуссия.

Теперь очевидно, что существующая практика в отношении социологической рефлексии относительно демографического положения стран сосредоточена на его понимании в основном на базе эмпиризма, имеет как процедурные удобства, так и недостатки по результатам познания.

Напомним, что в противовес эмпиризму (на почве сенсуализма) и субстанционализму, которые еще в мировоззренческом формате имели материалистическую ориентацию, в философии существовали и остаются еще и субъективизм и рационализм. Они имеют свои отличия, но позиции их представителей похожи в том, что в миропонимании они тяготели к идеализму, источником познания считают не внешний мир, а разум (рационалисты).

Итак, субъективизм – это такая методологическая ориентация на субъекта, которым может признаваться как человек, так и какая-то сила, наделенная волей, включая волю к познанию (развитие в XXI в. различных систем искусственного интеллекта дает соответствующее представление об этом даже рядовым гражданам). В то же время представители сенсуа-

лизма и рационализма расходятся в толковании источника познания (соответственно, для них значимы чувства и ум), а субстанционализм и субъективизм дают разные интерпретации предмета познания и понимания сущности знания. Все это повлияло на развитие социологического знания.

Согласно социологическому субъективизму¹, социальные события не следует описывать только с помощью эмпирических фактов (тех, что, по мнению созерцателя, процесс сопровождают), т. е. независимо от субъективной интерпретации этих событий. Итак, если сторонники субъективизма рассматривают демографический процесс или забастовку как социальное явление, то это не какая-то разновидность поведения, которую они непосредственно желают соотнести статистически с другим фактом или массивами фактов, а уже что-то существенно иное. Содержание поведения следует выяснять, опираясь на объяснения и интерпретации субъектов социального мира, действующие преимущественно через рассказы забастовщиков, мнения менеджеров, представителей общественности и т. п. Забастовка или миграция – это не «вещь», якобы независимая от определенных интерпретаций; они и есть именно эта интерпретация.

Субъективизм указанной позиции является по существу отличным от проработанного выше типа субъективизма: а) это – сознательное неприятие социального факта как объективной реальности; б) это – интерпретация социальной реальности как исключительно сконструированной, параметры которой зависят от воли субъекта такого конструирования; в) это – отрицание объективности социологического знания, потому отмечена интерпретация науки как средства конструирования мира, так и одновременно толкования последнего как результата такого конструирования. При этом сложность заключается в том, что подобные взгляды достаточно широко культивируют как такие, которые приходят на место классической науки и научной картины мира, включая классическую социологию и созданную ею картину социального мира, исчерпавшую свой эвристический (пояснительный) потенциал. Поэтому на их место могут прийти неклассические и постнеклассические интерпретации, порой вполне профанные.

Однако не все альтернативы в деле социологической рефлексии уже упомянуты нами. Дело в том, что предмет интерпретации не столько социальное явление, т. е. не миграция или рождаемость как таковые, а нечто другое – отношение к каждому из действующих социальных субъектов, осуществляемое с разных позиций, что определено местом их пребывания в социальной структуре (в частности, как профессиональной, так и классовой вообще), культурным опытом и социально-групповыми условиями их

¹ Джонсон Т., Дандекер К., Эшуорт К. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // Теория и история экономических и социальных институтов. М., 1993. Том I. Вып. 1. С. 98–99.

жизнедеятельности. Поэтому еще в прошедшем столетии в СССР стремление к миграции за границу страны немедленно рассматривали как основание для внимания компетентных органов. Зато сами мигранты толковали свои действия как эффективный способ улучшения качества жизни.

Наш современник-социолог в каждом из возможных сценариев или стратегий исследования сталкивается с осознанием потребности не только выбрать адекватные методологические принципы и теорию, но и мировоззренческие и идеологические ориентации, одновременно с требованием углубления методологического обоснования понимания социальной сущности доминирующего субъекта в социуме. Здесь заметим, что социальные взаимодействия интересны тем, что это, как правило, субъект-объектные, а не субъект-субъектные отношения. В этом случае субъект является внимательным не к тому, на что именно исследование ориентировано, а к тому, на что направлено действие доминирующего социального субъекта, а это уже производит артефакты по результатам исследования. И это понятно, ведь в каждой из возможных парадигм познания объект тоже отдельный, т. к. при рассмотрении отношений между людьми как сугубо социальных этим объектом является другой и его зависящее от места в социально-групповой структуре общества поведение. Но в случае рассмотрения этих отношений как общественных объектом познания станут те наши отношения, где поведение другого зависит от отношения каждого из нас к нему (как и наоборот). То есть оснований для появления артефактов достаточно.

Указанное непосредственно касается отечественных социологов, ибо они в основном находятся в методологических рамках социологии первого Модерна (согласно известной контейнерной теории общества У. Бека) и, как правило, не обращаются к темам глобализации и латентной социализации мира. Именно наращивание такого рода социализации как альтернативы глобализации (которую уместно понимать как постепенное, хотя и неравномерное наступление социальных низов в их борьбе за свои права и интересы с миром капитала) актуализирует тему публичной социологии (согласно М. Буравого), или общественной, как было неоднократно отмечено на III-V Международных форумах социологов во Львове в 2009–2011 гг., с ее растущей социальной ролью в пост/недокоммунистических обществах.

Известно, что некоторые специалисты рассматривают модель экономического человека как лучшую аналитическую схему для проектирования социологических исследований и приводят такие аргументы, как высокая степень разработанности экономистами, включение в ее схему основных элементов человеческого поведения и исключение несущественных, наличие мотива эгоизма не только как ведущего в каждом типе человеческого

поведения, а еще и как удобного для измерения основных черт такого типа поведения: устойчивость, рациональность и доступность¹.

Экономическая модель, впрочем, не привела к адекватным прогнозам результатов человеческого поведения, как показал Ж. Тощенко, поскольку на каждом новом этапе развития общества формируются возможности для человека не потерять свои духовные черты². Поэтому потребовались более адекватные общественному бытию теоретико-методологические подходы. К числу таковых можно отнести социокультурную теорию и методологию в исследованиях трансформационных процессов. Такой подход получил четкое выражение в публикациях в разгар осуществления рыночных реформ (середина 1990-х). Он был назван социокультурным потому, что в постсоветское время он отражает, по сути, столкновение двух культур: про-западной и просоветской.

Итак, начали утверждать, что социокультурный подход следует полагать нейтральным по сравнению с экономическим и он может быть перспективным в исследованиях демографической составляющей состояния трансформирующегося общества. Именно потому, что в социокультурном подходе нет акцента на чем-то одном, например, новых образцах демографических процессов, с объявлением негодной, архаичной традиции коллективизма и патернализма, а посему его можно рассматривать как более адекватный в деле исследований демографического положения стран. Он действительно рассматривает традиционное и инновационное, рыночное и нерыночное как взаимосвязанные дуальные социокультурные оппозиции. Дуальная оппозиция претендует на статус категории не только культурологической, но и социально-психологической, отражающей в целом амбивалентность полюсов оппозиции и вместе с тем их движение друг к другу, а вектор направленности во многом зависит от сложной ценностной ориентации субъекта.

Рассмотрение социального и экономического в их напряженном соотношении и латентной противоречивости позволяет выявить глубинные регуляторы действительно противоречивого поведения человека в каждой сфере общества, выявить, как может влиять экономическое на культурное, и наоборот, а главное – это обоснование адекватного способа социологической рефлексии для каждой ситуации взаимовлияния. Действительно, обзор литературы и собственные соображения показали, что понятие «социокультурное» имеет мощный исследовательский потенциал. Оно, в свою

¹ Радаев В.В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») // Социологические чтения. Вып. 2. Сборник материалов ежегодного методологического семинара. М.: Изд-во Института экспериментальной социологии, 1997. С. 177–189.

² Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005.

очередь, является основой для разработки ряда терминов, связанных с ним, но конкретных: социокультурные процессы, факторы, коды, явления, идентификации, связи и т. п. Согласно П. Сорокину, все эти термины должны раскрывать проявления социокультурного, т. е. исходить из паритетности культуры и социальности, в частности, из «несводимости» и «невыводимости» одного из второго и наоборот, или по другим обстоятельствам¹.

Заметим, что использование данной категории сопровождается методологическая путаница, часто противоречат друг другу толкования смысла социокультурного или вовсе отсутствуют какие-либо уточнения его содержания. Несомненно, что использование социологами терминологии, связанной с категорией «социокультурного», было во многом вызвано желанием избежать экономического детерминизма, который много времени господствовал в науке, стимулируя исследователей к удобному применению канонов эмпиризма. Теперь настало время перехода большинства исследователей специфики демографической составляющей состояния общественной жизни на принципы социологической рефлексии, ориентируясь именно на рационализм или субъективизм.

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 219.